

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“НUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor
Miguel Kireeff
Monroe 4329

1430 Buenos Aires - Argentina

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXV Buenos Aires, sábado 11 de junio de 1983

Буэнос Айрес, суббота 11 июня 1983

N° 1716

МЫСЛИ ВСЛУХ

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ТРИ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Если такие крупные современные мыслители, как Карл Ясперс и Ортега и Гассет, законность и свободу ставят в зависимость от авторитета, то несомненно, что в этом понятии авторитета, и в выводимых из него понятиях (как например, авторитарность и авторитарный строй), заключается именно этот первоначальный смысл. Действительно в “Нашей Стране” уже приводились слова Цицерона, взятые из “Законов”, 2, 31: “высшее и превосходное право в государстве связано с авторитетом авгуров” (“Н. С.” N° 1557, “Что такое авторитарный строй?”).

Но также несомненно, что в этом понятии авторитета заключается и что-то такое, что перечит, или как говорят “идет против шерсти”, современным идеологам и политикам. Иначе бы не было необходимости развивать такую кампанию против этого понятия. Если внимательно вдуматься в совокупность всех тех отличительных признаков связанных исторически с этим понятием, то среди них можно заметить три отличительные характеристики, никак не вяжущиеся с современными идеологизмами: твердая законность, нравственная законность, объективная законность.

Действительно, ни твердая ни нравственная законность никак не вяжутся со современным распушенным и безнравственным миром. Римляне говорили: dura lex, sed lex, твердый закон, есть закон. В наши дни закон подменяется систематически формальными юридизмами и даже просто кляузничеством, каковые являются извращением настоящей законности. Но также и объективная законность никак не вяжется со современными идеологическими и политическими структурами современного мира, построенного на бесповоротной передаче народных полномочий всяким явным и тайным “представителям”, “уполномоченным”, лидерам и фюрерам. Все эти вожаки, лидеры, фюреры и просто номенклатурщики требуют для себя лично всяких привилегий, что по своему смыслу противоречит законности, и кроме того провозглашают: “кто не с нами, тот против нас”. Объективная, анонимная, безличная, вернее надличная и надпартийная законность, но законность твердая, опирающаяся на религиозные убеждения и на народные нравы, им полнотью претит.

И. А.

Симпатичное по тону письмо М. Жукова в N° 1703 “Нашей Страны” кажется, в первый момент, дельным и по содержанию. Но когда задумаешься, возникают сомнения.

Эмигрантская молодежь хотела бы всеобщего единства под флагом русскости, православия и антибольшевизма, и предпочитала бы не слышать ни о каких разногласиях. Допустим. Но нельзя же молодежь (и до какого возраста?) держать в неведении о наличии в русском зарубежье различных взглядов, течений и группировок? Сдается, это бы к добру не повело. Молодежь чувствовала бы тогда с обидой, что ее водят на помочах, морочат, считают незрелой. И разочарование, досада на родителей и руководителей, желание утвердить себя побуждали бы ее действовать старшим наперекор. Кроме того, не то, что молодежь, а и дети, если они не слишком оторваны от русской среды, тем более, если сколько-то интересуются общественной жизнью, сами рано разбираются в существовании разных тенденций; порою уже и выбор делают (не обязательно окончательный), в согласии или вопреки настроениям семьи. Так их и не обманешь.

А упразднить политические взгляды взрослых, — дело и вовсе недостаточное. У кого они есть (у большинства есть), за них держатся, их выработали на основе опыта, иногда за них страдали и боролись. Как их принудишь отречься от убеждений? Опять-таки, что хорошего, кабы того и добиться? Лучшие газеты и журналы, впрямь что-то делающие против коммунистов, — связаны с определенной политической программой, той или иной; организации — тем более. Беспартийные же и непредрешенческие печатные органы или группы большевикам совершенно не опасны; от них обычно ничего кроме пустого бормотания и не слышно.

На базе непредрешенчества (с оговорками) могут действовать солдаты на войне, бытовые и профес-

сиональные союзы; самое большее — стихийные повстанцы в СССР (но у тех, непременно, быстро сложилась бы своя платформа). В условиях же свободного мира объединение без политической программы есть абсурд. И люди в России, столкнувшись с такой организацией наверняка рассудили бы, что или у ее членов такие планы, о которых неудобно говорить, или, раз они настолько глупы, что никаких планов не имеют, то они и доверия не заслуживают.

Д. Карамышев призывает нас к примирению и сотрудничеству с солидаристами. Сомневаюсь в успехе такой акции! Попытки к тому, со стороны монархистов, делались не раз, и всегда оборачивались нам во вред, а НТС на пользу. Да и не видно совсем, чтобы нацмалычки сами подобного соглашения желали или искали. Они, наоборот, постоянно от монархизма и от монархистов отрешиваются. Став на точку зрения возглавителей Национально-Тудового Союза, легко и понять, что ему невыгодно с нами блокироваться. Средства и покровительство он получает от иностранных кругов, обычно левых; а коли и правых, то все равно враждебных России и не желающих ее возрождения и восстановления в роли единой и могучей державы. Уже одно подозрение в сочувствии монархизму вредно отразится на финансовом и юридическом положении партии солидаристов; так зачем бы им это нужно?

Альянс наш с ними вылился бы в их нам предложении отказаться от монархического мировоззрения и вступать в их Союз индивидуальным порядком. Ну, — кому охота, пусть так и поступает... Иное дело: объединение с ними мыслимо по частным поводам, как, скажем, демонстрация против большевиков, или, например, в пользу Польши или Афганистана, и т. п.. Сейчас, конкретно, складывается даже случай к более широкому общему с ними фронту: для отпора натиску неомарксистов, все более невыносимому в эмиграции, где плодятся всякие “Синтаксисы” и “Форумы”. Но пошли бы на эту сделку солидаристы?

Вот журнал “Вече” и Н. Вехин полагают, что монархисты должны свое мировоззрение скрывать и выступать под маскою непредрешенцев. Говорю это им не в укор: тут, по крайней мере, позиция определенная политическая, налицо; хотя я ей и не сочувствую. Вопрос: полезно ли бы нам это было и разумно

ли для нас? Мы тогда начинаем обманывать народ в России. И потом с выбранной дороги камуфляжа и притворства будет уже и трудно сойти (Нам скажут: “А почему вы сразу не говорили по правде?”).

Подобная тактика осмысленна только исходя из взгляда, что монархии в СССР боятся и не любят, что ее имя способно отпугнуть массы. Именно так считают наши враги, — но не принимают ли они желаемое (для них) за сущее? Мы же должны взвесить: верно ли это? А вдруг там как раз монархических лозунгов ждут и жаждут; мы же от них возьмем да и откажемся; бросим выигрышные карты под стол, и заменим их другими, фальшивыми и проигрышными? Стоит вспомнить многое, обнаружившееся в России в годы войны... Тогда тоже наш народ не услышал нужных ему слов.

Да и иная еще проблема встает. Если уж верно, что все в России монархию ненавидят (с чего бы и почему? под влиянием советской пропаганды? так она в толщу народа никогда не проникала; ею прониклась только левая интеллигенция, и особенно образованцы большевистской выпечки), — то зачем же мы остаемся монархистами? Тогда похороним головы и пойдем на поклон к нашим противникам!

Хотя, собственно, даже и поверив на миг, что народ обманут и сам не знает своей выгоды, — наше дело, наш долг были бы ему ее объяснить, раскрыть ему глаза. Но... совершенно необходимо, чтобы мы сами в свою идею верили; были убеждены, что она есть Божья истина и что она практически возможна и осуществима, и необходима для блага России и мира. Нельзя бороться за монархическую идею, если мы сами в нее не верим, и притом — до конца. А в нее надо верить: есть к тому все основания, и жизнь их с каждым днем все умножает.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Выписывайте со склада
“Нашей Страны”

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ

все 5 частей в одном томе
Цена в Аргентине — 400.000 н. песо
В других странах 10 ам. долл.

И смех и грех...

Дочь космонавта Гагарина
спросили:

- Где твой отец?
- Он в космосе и вернется через один час сорок минут.
- А где твоя мать?
- Она ушла за картошкой и неизвестно когда вернется.

БИБЛИОГРАФИЯ

3. Шаховская. "В поисках Набокова" (Париж, 1979).

Согласно рассказу Шаховской, Набоков состоял первоначально в тесной дружбе с нею и ее мужем, оказавшими ему много услуг; достигнув же позже славы и богатства, не захотел с ними отношения поддерживать. Это имело ту положительную сторону, что книга не расточает ему сплошных похвал, а содержит порою и трезвую на него критику.

Так, надо согласиться с определением его здесь как человека бездуховного и безлюбивого и с описанием его творчества как ледяного. Любопытно и другое: чем далее, то более проявляющиеся у него атеизм и враждебность к религии. Что до моральных установок, он подчеркнуто утверждал, что писателю они ненужны и нежелательны: существенно не что, а как он пишет.

Конечно, такая установка идет вразрез с вековыми традициями русской литературы, да и в мировой они пригодны лишь для эпох упадка и для отдельных писателей подобных мрачных периодов. Если художник служит не добру, — а злу, — какой прок от всех его технических достижений? На то пошло, — выхвалители Сталина и воспитатели большевизма стояли иногда на высоком уровне мастерства, — но можно ли их считать большими писателями?

Путь Набокова был иной, но тоже грустный. Аморальный эстет, отрекшийся от России (хотя, как показывает Шаховская, он никогда не сумел ее целиком забыть) и объявивший себя американским писателем (однако, он предпочитал жить не в Америке, а в Европе!), он постепенно израсходовал свой талант, когда-то немалый, и стал писать слабые, посредственные вещи. Известность же его, для западного мира, держалась на непристойной "Лолите", и его читали только в ожидании новых откровений в том же роде.

Язык Шаховской оставляет желать много лучшего; это язык иностранки, неполно научившейся по-русски. На каждом шагу перлы вроде "короля, предпочтившего бегство отречению от престола". Вообще же, за исключением данного неудачного опыта, княгиня не употребляет причастия прошедшего времени действительного залога (не имеющего точного соответствия по французски), и заменяет его причастием настоящего времени. Например: "Часто литературные доклады и чтения устраивались в Брюсселе и в Антверпене "Клубом Русских Евреев", в те времена от русской культуры себя не отрывающих и ее почитающих". По-русски, безусловно, тут надо бы отрывавших и почитавших.

Типично, как иллюстрация небрежности, что, когда ей понадобилось процитировать Пушкина, Шаховская его дает в обратном переводе с французского! Даже не имея своего Пушкина, неужели она, в Париже или Брюсселе, не могла его найти в библиотеках? В другом же месте, она преспокойно цитирует вместо Пушкина Жуковского...

К числу курьезных разоблачений принадлежит упоминание в книге, что отец Набокова был масон. Об отце это не столь уж важно; а как он сам?

Е. Попов. "Веселие Руси" (Анн Арбор, 1981).

Сборник рассказов производит неприятное впечатление, в силу желания автора изобразить нынешнюю Россию в целом царством серого, тупого хама. Слава Богу, мы имеем вдоволь подтверждений противному! В оправдание писателя можно разве что сказать, что он работает под Зошенко, не имея таланта и вкуса, которые тому были свойственны. Время от времени, ему удается забавно передразнить ту или иную формулу официального советского языка. Но это не спасает книгу от монотонности.

Ф. Кандель. "Первый этаж" (Лондон, 1982).

Роман представляет во многом те же недостатки, что налицо и у Попова. В нем, есть однако, просветы. Баба Маня, на которой явно отразилась солженицынская Матрена, — добрая, если и недалекая, простая русская женщина, которую большевизм не переменит, в какой бы ад он ее жизнь ни превращал. Молодой поп из лесной деревушки не только сам говорит, что на нем благодать: эта благодать на нем чувствуется и от него распространяется вокруг; скажем, на женщину-шофера, везущую его на вокзал, когда он приехал по делу в Москву.

Поппадают и отдельные кусочки голый правды. Один из персонажей, попав в госпиталь на почве алкоголизма, спрашивает у лечащейся там старушки, помнящей царское время: "А что, маманя, когда больше пили? Раньше или теперь?" — "Спро-осил..." — отзывается та — "Да теперешние не в пример. Бога нету... К старым без внимания... К себе без уважения..." Вот уж подлинно: за что боролись, на то и напоролись!

В. Марамзин. "Тянитолкай" (Анн Арбор, 1981).

В книге собраны повести и рассказы разной длины и разного качества. Как правило, — те, что подлиннее, несколько и получше; короткие же — совсем никуда. Наиболее остроумен рассказик, называющийся "Тянитолкай" (как и весь сборник), в котором чекистский полковник говорит о диссидентской литературе: "Даже то, что печатают за границей и за что мы, конечно, по головке не гладим, — и то невозможно читать. Такая же чепуха, только наоборот". Bravo, полковник!

Автор все время обращается к эротическим темам, нажимая на все педали; и не понимает, что это неизбежно быстро приедается читателю и начинает наводить на него скуку.

Порою (так оно происходит в "Истории женитьбы Ивана Петровича"), герои, как бы сами собой и наперекор сочинителю, проявляют иную сущность, и сквозь муть и грязь прорываются достаточно трогательные и чистые, вполне человеческие чувства. К сожалению, это у Марамзина — сравнительно редкие исключения из общего правила.

Владимир Рудинский

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

НЕПРАВДА ПРО ДВОРЯН

Странные теперь вещи читаешь о русском дворянстве, не умевшем де говорить по-русски, оторванном от народа и пр. (добро бы новейшие писали! а вовсе не они...). И так, якобы, со времен Петра вплоть до революции... Вздор ведь, господа!

Дворяне были прежде всего — помещики, сельские хозяева, жившие с крестьянами бок о бок. Что же они с теми, через переводчиков беседовали?! Да такого барина наши хитрые мужики в миг бы обдурили. Нет; проводившие хоть часть года в имении землевладельцы, если литературный русский язык и могли знать плохо, то уж народный — превосходно (украинский, белорусский или иное местное наречье), с детства впитав от нянек и дядек, и от ребятишек, с которыми играли.

Дворяне были военный класс Империи. Начиная с малых чинов, они своих солдат знали в лицо и по имени; и кабы не в состоянии оказались с ними объясниться, — не больно бы их любили и слушались (как с иным начальством из иностранцев порою и выходило...). Мо-

гли быть отдельные люди, воспитанные за границей или в иностранном пансионе; но и те, обычно, быстро все наверстывали. И мыслимо оно было разве что в узком кругу высшей аристократии (впрочем, почти и не бывало: если наши писатели подобные случаи высмеивали и шаржировали, — не надо их принимать буквально).

А возьмем самих писателей: что же, Тургенев, Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, — не владели речью великоросского селянина? Гоголь и Короленко, — речью украинского? На то пошло, — разночинцы оказались хуже оторваны от деревни, и средою и, еще больше, взглядами. Что культурный класс имел своим вторым языком французский (что было очень удобно при встречах с иностранцами, поездках за границу), находился в курсе европейской образованности, — разве это плохо? Революционные же идеи являлись всегда престоупными и безумными, будь они импортными или отечественными: у Радищева и Пестеля, у Пугачева и Раина равно.

В. Штремлер (Греция)

МОНАРХИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

УБИВАЮЩИЕ ДУШУ

В числе преступлений советской власти, — творимое ими над литературами национальных меньшинств. Те, все равно бы сформировались, конечно, даже у народностей, не имевших письменности в старое время (а у многих была уже своя литература, или, по крайней мере, начатки таковой, еще при царе). Большевики их создание, пожалуй, и ускорили, — но какой ценой!... Все, что у них издается, — сплошь серая пропаганда коммунизма. Когда пробиваются ростки чего-то подлинно национального, или индивидуального, лирического порыва или сюжетного мастерства, — то беспощадно затапываются и выкорчевываются.

Кое-какие любопытные вещи из них, однако, можно и извлечь. Вот у хакасского поэта Г. Сослятина, в поэме "Аптекарь", описывается такое: Наследник Николай, будущий царь, проезжая через Красноярск, подойдя в музее к фигуре шамана с бубном, в бубен сам ударил. Представлена следующая реакция, на рассказ об этом происшествии, Ленина, в тот момент ссыльного в Сибири:

Так значит, царь камлал? — Камлал. — Дурак! — и гость захохотал.

Ильич так и должен был, понятно, отозваться! Между тем, в жесте Николая Александровича выразилось глубокое уважение престолонаследника ко всем подданным Империи, даже самым примитивным, ко всем их верованиям и традициям, пусть и странным, экзотическим, трудно поддающимся восприятию европейца. Как известно, многого в России:

Не поймет и не заметит,
Гордый взгляд иноплеменный...

Но иначе смотрели российские

государю. Строгий Николай Первый, когда ему передали дело о приношении черемисами лошадей и прочего скота в жертву языческим богам, наложил резолюцию: принимаемая во внимание детское простодушие обвиняемых, не накладывать на них никакого наказания.

В изданном в 1952 году романе бурята Читима Цыдендамбаева "Доржи, сын Банзара", об известном ученом и просветителе конца 19-го века, Банзарове, любопытно изложено его беседа с соучеником по гимназии и земляком, Галсаном Жамбаловым, напоминающим ему о национальном достоинстве их народа: "Мы потомки великого завоевателя Чингисхана... Ты забыл, что солнце встает на востоке. Свет в Россию идет с востока" и добавляющим, что он склоняется перед Белым Царем и считает его воплощением Бога, и что он против тех, кто подтачивает Его престол. Банзаров ему отвечает: "Я сын бурятского народа, гражданин великой Российской Империи".

Другой бурятский писатель, Даширабдан Батожабай, в романе "Похищенное счастье", изображает следующий эпизод: В Агинский дацан (монастырь), расположенный в Забайкалье, приезжает (в последние годы прошлого столетия) из Тибета старший учитель далай-ламы бурят Туван-хамбо. Он прибыл отстаивать "желтую веру" перед русским царем. Посланнику далай-ламы дается разрешение строить в Бурятии новые дацаны, укрепляя ламаизм.

Эта широкая, великодушная терпимость православной императорской России составляет убийственный контраст с беспощадным гонением на любые верования, на все религии, являющимся сущностью проклятого, кровавого советского строя.

Гамид Садыкбаев

АНАТОЛИЙ БОР

ЯД МОДЕРНИЗМА

"Университет развивает все способности, в том числе — глупость"
А. Чехов

Содержание книги Д. А. Антонова "Восстание" — антикоммунистическое. Однако жанр ее следовало бы назвать поскутным. Сам автор, догадываясь, что читатель будет поставлен в тупик от его всевозможных модернистических выкрутасов, дает такое оправдание им: "... Некая прозрачная псевдонимность выступает в самом содержании книги — полуизмененные фамилии, аналогии. Здесь и история, и история литературы, и политология, и психология, и аксиология... Если это преднамеренно новый литературный жанр, вроде сюрреализма в живописи, то он удался вполне..." В общем картина достойная кисти Дали! Автобиографичность литературного произведения никому не может быть поставлена в упрек. Однако дать на свой собственный автопортрет свою же положительную рецензию, хоть может быть и новшество, но вряд ли — приятно... В книге есть разумеется и сюжет, но он как кинофильм со знаменитым певцом, построен неестественно: только для того, чтобы показать где, и когда, и как пела прославленная знаменитость. Главный герой "Восстания" не поэт — он рассуждает об истории, о философии, о литературе. И часто эти рассуждения заставляют вспоминать того учителя словестности из рассказа Чехова, который всю жизнь высказывал истины не подлежащие сомнению: Волга впадает в Каспийское море, а лошади кушают овес и сено!

230 страниц книги "Восстание" заполнены: историческими данными, грязными анекдотами, психологией и обилием цитат из классиков в самом кавардном беспорядке... В журнале "Литературная учеба" литературовед Копылова преподавала однажды великолепный урок и поэтам и прозаикам. Исходя из очень логической мысли, о том, что всякое литературное произведение есть интеллектуальное питание, каждый пишущий должен позаботиться о строгом порядке на столе, чтобы гостю (т. е. читателю в данном случае) не попала бы селедка... в кофе, а варенье или пирожное... в суп! Копылова, в которой уживались и глубокомысленный литературовед, и практическая гостеприимная хозяйка, заложила в своей статье фундамент для отрицания всевозможных футуристических гримас! В самом деле футуризм расцвел "цветами зла" в поэзии и прозе, в живописи и скульптуре. Кулинарное же искусство стоит на прочных традиционных основах и не признает неудобоваримых новшеств. А покорное смирение перед древними рецептами классической кухни всевозможных бунтарей-футуристов, как раз и обнаруживает их двуличность! Все они предпочитают пить кофе с молоком, а не с уксусом (Жак Превер слезливо причитая уверял нас в этом). Каждый из них не возражает против приятных ароматов пищи. Но портрет сих гурманов может быть изображен с двумя или тремя носами. Каждый из них предпочитает хорошо выпеченный хлеб для себя, угощает читателя своими недобрыми мыслями. Сыро выглядит композиционное построение книги "Восстание". Это такое бесформенное месиво и хаос, которые лучше не охарактеризуешь, чем словами русской поговорки: "Видно Акульку, что пиро-

ги печет — и ворота в тесте"! Сырость недоработанности и сквернословие избилуют. Например: "А на какого... нам освобождать твоих антифашистов..." Или еще: "... Вождь Партии не гений, а г..." (речь идет о Сталине). Читателю твердо стоящему на почве отрицания сталинизма, все же трудно согласиться ценностью подобного "художественного" языка. Писатель-антикоммунист обязан быть рыцарем благородства. Он не имеет права смаковать похабные анекдоты или такие же частушки о "марксистском" бюсте Фурцевой, как это часто делает Д. А. Антонов. Ибо наши же враги могут ткнуть пальцем в пошло-бездарную книгу и сказать: Полюбуйтесь на этот грязный стиль антикоммунистов! У нас рабфаковцы в стенгазетах пишут грамотнее... и без материков!" А автор "Восстания" так торопится, что восстает и против русского синтаксиса...

Пример: "Ваша Народная Армия — как нож по маслу пройдет сквозь Западную Германию!" Не говоря уж о том, что метафора ножа пронзающего масло — заезжена, предлог по указывающий на поверхность противоречит наречию сквозь. Получается смесь французского с нижегородским, если не с польским.

Один из героев "Восстания" пишет диссертацию о Достоевском. Антонов помогает ему своим авторским отступлением: "Да и в произведениях главными бесами показаны не поляки и евреи, а Ставрогины, Верховенские, Смердяковы. Достоевский был человеком Духовной культуры и считал бы жульничеством перекладывать основную вину на каких-то козлов отпущения..." (стр. 212).

Будем возражать Д. А. Антонову методом от противного, т. е. попробуем согласиться с ним... Тогда получится, что революционеров-поляков и революционеров-евреев не было не только в произведениях Достоевского, но их не было и вообще в реальной жизни... Держинский и Менжинский — не поляки, а русские. Зиновьев никогда не был евреем Анфельбаумом; он русский. Троцкий — русский, а не Бронштейн. Розенфельд — не еврей, а — Каменев. Ярославского не надо считать Губельманом, яростный гонитель веры православной — росс! Как искони русскими были Урицкий и Свердлов. Уголовников дорвавшихся до государственной власти и злодейски убивших Русского Царя и Его Семью, судя по фамилии надо будет считать россиянами. А тогда "Дневник писателя" не принадлежит перу Достоевского и нижеследующая цитата вымышлена свихнувшимся анонимным антисемитом:

"Ну что, если бы это не евреев было в России 3 миллиона, а русских, а евреев было бы 80 миллионов, — ну, во что бы у них русские обратились и как бы их третировали? Дали бы они русским сравняться с ними в правах? Дали бы они им молиться среди них свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того: не содрали бы с них кожу совсем? Не избил бы их до тла, до окончательного истребления, как делали они с чужими народами в старину в древнюю свою историю?"

Таким образом, во избежание абсолютного абсурда, нужно согласиться с тем, что вышеприведенная цитата взята все-таки из "Дневника писателя" Достоевского за 1877 год

и обличить то "жульничество", которое туманно разглагольствуя обнаруживает сам Д. А. Антонов. Вся его "методология" строить научную гипотезу виновности русского народа в революции только потому, что революционеры в литературных произведениях были носителями типично русских фамилий, по меньшей мере — смешотворна и очень напоминает трагикомедию вымученных догадок незадачливого приказчика из рассказа "Лошадина фамилия". С критерием Д. А. Антонова в фамилии знахаря — Овсов, чего доброго, можно было бы усмотреть лишний повод виновности русских в... революционном терроре! Юмор Чехова многогранен и всеобъемлющий. Кажется, смеется великий сатирик над очень маленьким кирпичиком, а глядишь смех его пронзает всю социальную пирамиду, касаясь и университетской вершины.

Однако Чехов был не только мастером сатиры, но и публицистом с беспощадной зоркостью. Наблюденная очерка "Сахалин" или дневников — тому свидетельство. Вот одно из них: "Легкость, с какою евреи меняют веру, многие оправдывают равнодушием. Но это не оправдание. Нужно уважать и свое равнодушие и не менять его ни на что, так как равнодушие у хорошего человека есть тоже религия" (Дневник 1897 года).

Многократно на страницах своей книги Д. А. Антонов восторгается Чеховым. Те же бесчисленные дифирамбы поет он Достоевскому. Однако и "Дневник писателя" Федора Михайловича и дневник Чехова автор, уподобясь сверх-осторожному Беликову, спрятал в черный футляр молчания о них. Подобная манера видеть писателя не таким, каким он является на самом деле, а таким, каким хочет видеть его футлярный филолог-исследователь не может быть объективной.

Вернемся еще раз к интригующей мысли высказанной самим автором о своем же собственном произведении: "... Некая прозрачная псевдонимность выступает в самом содержании книги — полуизмененные фамилии, аналогии". То есть, иными словами, отражается современная жизнь диссидентов в России, в Польше и на Западе. Один из героев "Восстания" — Михаил пишет диссертацию о Достоевском, обретаясь на Западе. Как же так случилось, что Михаил не реагировал на пасквильный поток группы неблагополучных хулиганов Пушкина в Париже?! Куда же девалась эта "некая прозрачная псевдонимность" проворно собравшая все самые скабрзные анекдоты современной Европы, но не заметившая самого постыдного из них — явление галиматый именуемой "Прогулки с Пушкиным"?! Почему Д. А. Антонов абракадабру Абрама Терца поспешно сунул в хорошо уже нам знакомый футляр?! Ведь если одна из сюжетных линий книги строится на том, что ученый муж пишет научный труд о Достоевском, а для Федора Михайловича Пушкин — солнце мировой поэзии, то как можно умалчивать о хулиганских попытках очернить это солнце?! Очевидно, что от философии футлярного мыслителя Беликова болящегося, что как бы чего не вышло... не спасся и бунтарский автор "Восстания".

В рецензии помеченной буквами Е. Б., Д. А. Антонов фактически

воздвигает самому себе памятник: "... Идеологический лейтмотив — опровержение коммунизма (и марксизма) с чеховских позиций. Книгу хотелось бы квалифицировать, как "Приписки к философии антидиамата". Однако философские дебри "диалектического материализма" требуют ясного уточнения. Стройную систему диалектики идеалиста Гегеля "экспроприровал" материалист Маркс. Этому бесстыдному грабежу среди белая дня было дано маскирующее вино название: "Маркс поставил Гегеля на голову". Однако Гегель был так монументален, что не двинулся с места. А самому то Марксу ничего не оставалось, как только быть дарвинской обезьяной повисшей на своем собственном материалистическом хвосте и рассматривающей весь окружающий мир именно с этих "позиций"! Этот обезьяний комплекс Маркса воспринимать диалектику Гегеля вверх тормашками докатился и до наших дней. Трагикомедия "третьей волны" и состоит в том, что ее представители лелеют мечту перелицевать ленинскую жилетку и тем осчастливить народы... Им кажется, что достаточно выпустить книгу оснащенную стилизованными ругательствами, чтобы обогатить философию и свернуть заодно и рога андроповской власти.

Но всем им раньше, чем делать "приписки к философии антидиамата", следовало бы помнить один из основных законов гегелевской диалектики — закон двойного отрицания, т. е. отрицание отрицания. Поясним его историческим примером. Была Россия монархическая — символ благородства. Пришло отрицание этого благородства — революционное безбожное хамство. Отрицание этого хамства (т. е. отрицание отрицания) не может быть хамством же! Оно должно быть средоточием наивысшего благородства! Таков неумолимый закон диалектической логики Гегеля. И поэтому для борьбы с коммунизмом необходим величайший подъем духовный, а не книженки смакующие сквернословие и скабрзные анекдоты. Для этой борьбы необходима классически ясная глубина мысли, а не девальвация сознания сюрреалистическими экспериментами. Блатной фразеологией большевиков не перешибешь. Плевками на монумент Пушкина советскую власть с места не сдвинешь. Поторопились и Терцы и Антоновы воздвигать самим себе памятники... Забыли сии маститые университетские мужи мудрость Гумбольдта, гласящего, что язык — фильтр. Невозможно с грязным фильтром ратовать за чистоту. И поэтому раньше, чем потрясти мир своими антикоммунистическими приписками к диамату, надо самим то очистить свой язык от материалистической скверны!

Кто виноват в девальвации сознания? Эпигонство. Лавры Уильяма Фолькнера, принадлежащего к литературному течению получившему название "потока сознания" не дают покоя подражателям. Однако между Фолькнером и Антоновым (да и Терцем)... дистанция огромного размера! Фолькнер получил Нобелевскую премию. Лев Толстой и Чехов не получили ее, хотя их литературные произведения остаются изящнее и значительнее "художественных полотен" Фолькнера... И если вообразить такой абсурд, что Д. А. Антонов получит Нобелевскую премию за свою книгу "Восстание", это не изменит сущности того, чем она является: потоком черновиков без особого участия в них сознания.

АНАТОЛИЙ БОР

ИЗ АРХИВА РЕДАКЦИИ

ПИСЬМО ИЗ НЬЮ-ИОРКА

Русский Нью Йорк веселится... Раскройте "Россию" и "Новое Русское Слово" — балам и вечеринкам несть числа. Пляшут врачи и инженеры, пляшут пажи и институтки, пляшут ветераны и землячества. Даже Фонд имени чтимого Святого, и тот готовит "грандиозный бал".

Молодости — и первой, и второй — свойственно беззаботное веселье. Прошлое легко забывается, будущее страшит немногих. Мы, русские эмигранты, в этом отношении, ничем не хуже других.

В 1947 году, как русский эмигрантский представитель во французской зоне Австрии, я получил из Инсбрука приглашение на бал "бывших кацетчиков". Через два года после смерти Гитлера, узники его концентрационных лагерей не только веселились, но и завлекали гостей своеобразными приманками.

Я на этот бал не поехал и не знаю, насколько были привлекательны танцоры в полосатой одежде и насколько было хорошо вино в киоске, устроенном "на подобие крематория". Думаю, что мы, при всех наших недостатках, на такую бесвкусицу, слава Богу, не способны. Русского бала "избежавших выдачи в Лиенце" не было и не будет...

Танцевальный зуд в эмигрантских ногах был бы болезнью безобидной, если бы не попытки возвести его в степень политической добродетели.

Только немногие веселятся откровенно и просто. Многочисленнее те, кто пляшет для "помощи ближнему". Слишком многие, в русском Нью Йорке, к сожалению, веселясь, "выполняют патриотический долг".

Из Москвы несется неустанный призыв:

— Все на баррикады мировой революции!

Русский Нью Йорк отзывается эхом:

— Все на наш очередной, годичный, традиционный бал!

С. Л. Войцеховский

Языковые
Уродства

ТРИ ОПАСНОСТИ

1) С самого начала, русский язык в эмиграции подвержен воздействию окружающей иностранной среды. У Теффи есть рассказ, изображающий беседу русского берлинца с русским парижанином, с трудом понимающих друг друга. И верно, свежего человека поражала при контакте речь рядовых эмигрантов во Франции: авион вм. "аэроплан", "самолет"; камион вм. "грузовик"; синема вм. "кино"; контремэтр вм. "мастер", а то и вуатюра вм. "автомобиль", "машина". Это постепенно проникло и в печать; сперва в объявлениях, в письмах с мест, потом и дальше. В благополучные годы, когда русское рассеяние включало Балканы и Прибалтику, в зарубежных газетах можно было обнаружить и тамошние местные слова, от сербских до латышских. В сузившихся рамках нынешней нашей диаспоры вреднее всего — англоязычное влияние. Русские газеты в США издаются часто на безобразной смеси, которую и понимать трудно; даже знание английского языка не помогает, — попадают сугубые американизмы, несвойственные литературному употреблению Великобритании.

2) Еще хуже другое, менее замечаемое: растущий разрыв с нашей национальной культурной традицией, утеря норм правильного русского языка. Под давлением западного мира, в русской прессе все чаще всплывают всякие Туллиус вм. Туллий, Пиреус вм. Пирей; имена исторических лиц, географические названия даются в искаженном виде. Во Франции эмигранты говорят Индошина вм. Индокитай. Но сегодня все время встречаешь Либан вм. Ливан, Либия вм. Ливия, и даже Аравия вм. Аравия. Тургенев, Л. Толстой, А. К. Толстой, с детства знавшие немецкий язык как родной, всегда писали Гейдельберг, Гейне; наши в 10 раз менее образованные современники щеколят написаниями вроде Хайдельберг, Хайне и даже Хитлер... Еще бы! им надо ученость свою показать. Да откуда-то еще взялся шик писать французские, немецкие, испанские названия через твердое л (какового в соответствующих языках и не существует!).

3) Раньше можно было опираться на язык в СССР, сохранявший во многом дореволюционные устои, несмотря на наводнявший его все хуже канцелярит (касающийся сильнее словосочетаний, чем структуры самих слов. Теперь же там творится черт знает что! Орфография непрестанно меняется, вводятся недопустимые, безграмотные обороты, с полным неуважением прошлого, просто с незнанием прежде выработанных принципов; транскрипция иностранных слов, перевод с чужих языков — ужасны. Сказывается нарушение преемственности в результате страшных гекатомб, — выражаясь модным жаргоном, голокауста, российской интеллигенции в 30-е годы. Ориентироваться на Советский Союз больше нельзя: надо исключительно исходить из правил и обычаев досоветского литературного языка и его продолжения в 20-е гг. и в начале 30-ых — но не далее!

Аркадий Рахманов

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель М. Б. Киреев
Редактирует Редакционный
Коллегиум
Тел. редакции 51-2685

Цена номера газеты, посылаемой воздушной почтой: Австралия — 0,80 австралийских долларов; Германия — 1,80 немецких марок; Италия — 900 лир; Парагвай — 100 гварани; США — 0,80 долларов; Франция — 4,40 франков; Чили — 30 песо. Все остальные страны — 0,80 долларов США. Цена номера газеты, посылаемой простой почтой: Аргентина — 2.— а. песо; Франция — 4 франка; США и все остальные страны — 0,75 долларов.

"Моней ордер" и чеки должны быть выписаны на имя издателя (Miguel Kireeff), с местом уплаты в США или в Европе и посланы по следующему адресу:

Sr. Miguel Kireeff
Monroe 4329
1430 Buenos Aires — Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ
"НАШЕЙ СТРАНЫ"

БРАЗИЛИЯ: LEO RUBANOV
Caixa Postal 8405
SAO PAULO — Brasil

ФРАНЦИЯ: A. KHASOFF Ing. C.P.C.
8, Av. des Chardonnerets
95120 ERMONT, France

США: ANATOLE DENISOFF
11 Wolfe Ave.
SAN RAFAEL, Calif.
94901 — U. S. A.

КАНАДА: Mr. B. S. DIMITROV
461 Querbes Ave.
OUTREMONT, Que.
H2V 3W4. Canada

В Сан Франциско (США)
"НАШУ СТРАНУ" можно
купить в книжном магазине

"GLOBUS"

Вышел из печати сборник стихов
Т. А. СМЕРНОВОЙ-МАКШЕЕВОЙ

РУСЬ

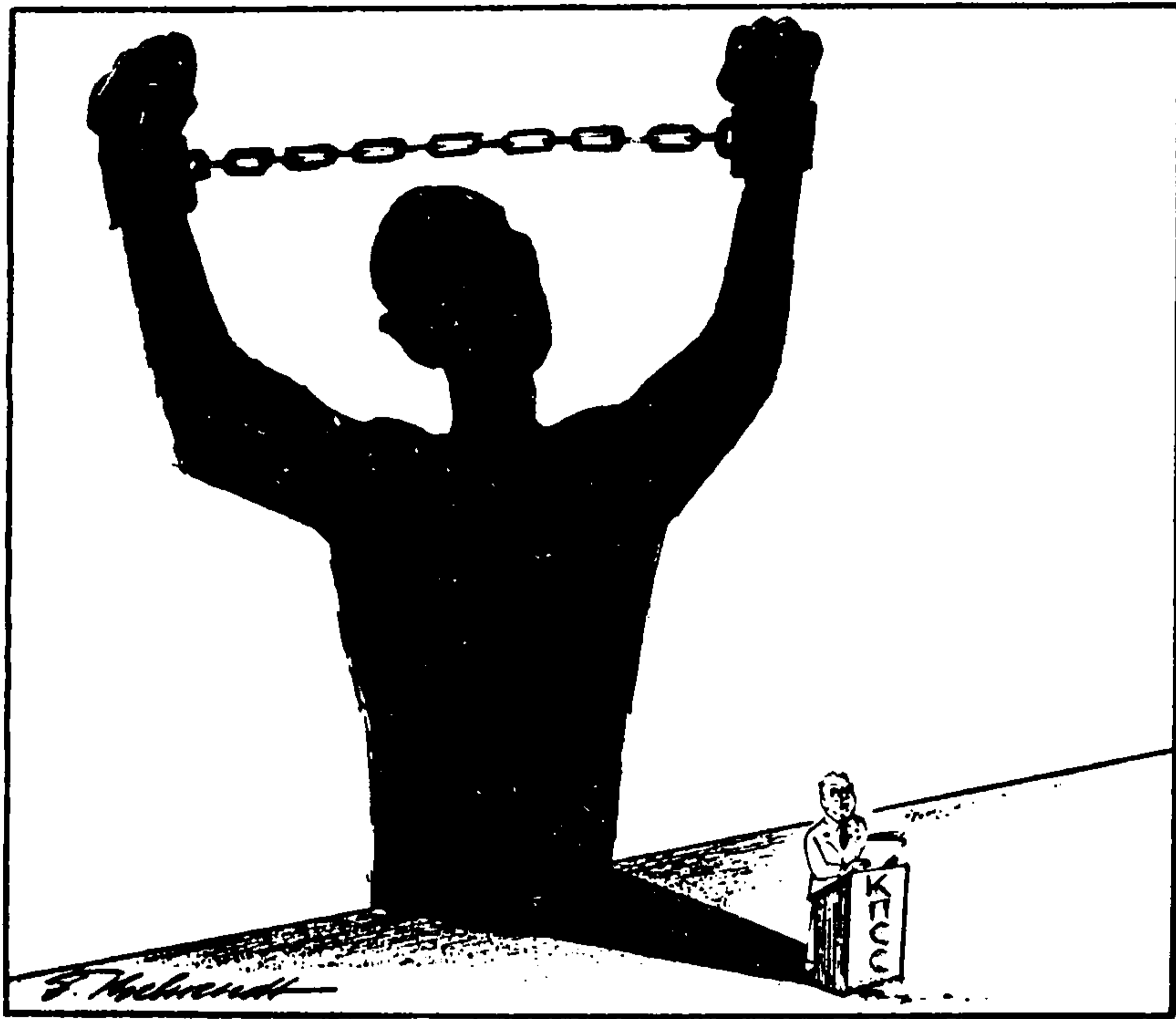
Склад издания:
Ivan Nikitine,
160, rue des Ancolies, 47000
Le Passage d'Agen, France

НОВЫЙ АДРЕС И ТЕЛЕФОН
"НАШЕЙ СТРАНЫ"

Miguel Kireeff, Monroe 4329
1430 Buenos Aires, Argentina
Tel. 51-2685

СТОИМОСТЬ ОБЪЯВЛЕНИЙ
В "НАШЕЙ СТРАНЕ"

Стоимость объявлений в "Нашей Стране" равняется цене трех номеров газеты за каждый сантиметр в одну колонку, в валюте той страны откуда дается соответствующий заказ.

ПЕЧАТЬ

УСЛЫШИМ СУД ГЛУПЦА

В издании "СССР: внутренние противоречия" №4 обширный этюд Л. Копелева и Р. Орловой, "Чудо Корнея Чуковского", подтверждает об этом последнем то, что мы и думали: это был один из наиболее порядочных литераторов, в ту меру, в какую оно являлось вообще возможным в его леденяще страшную эпоху. Приведены его слова о Ленине: "... не вышел на Красную Площадь, не стал на колени, не покался. А ведь что наделал! Нельзя было начинать такое в нищей, безграмотной, крестьянской стране. В стране, где мало было интеллигенции. Нет, нельзя!" Ну, положим, и самая богатая и культурная страна в результате революции быстро дичает и нищает; примеров бы можно вдоволь привести. Но это — в скобках.

Метко указаны тут и корни роковых слабостей Чуковского:

"Ему всегда были близки писатели 60-ых годов, воинствующие разночинцы, образованные плебеи, тебившие дворян, дерзкие нигилисты, издевавшиеся над гуманизмом, который тогда называли гуманизмом".

Если личность Чуковского встает в положительном свете, то наоборот — фигура Копелева, который сам рассказывает, что не любил Корнея Ивановича за следующие грехи: он отговаривал Репина возвращаться в СССР; был кадетом, а потом затаил свои взгляды; в "Тараканище" дал сатиру на Сталина. Дельно говорила Копелеву писательница Ф. Вигдорова: "Вы ничего не знаете и не понимаете. У вас глупая предвзятость".

Так или иначе, сии грехи делают честь Чуковскому. Как и то, что он ценит, любил и защищал Солженицына и делал вокруг себя массу добра, особенно — гонимым или нуждающимся работникам пера, различного ранга.

В. Р.